

**Алексей Подберезкин: «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛЬ», том 2,
«Креативный класс и элита»**

«Современный образ человека формируется западной цивилизацией, западной идеологией».

В. Макаров, академик РАН

И не только формируются. Но и навязываются другим странам. Иногда даже силовыми методами. Следует ясно понимать, что правящие элиты стран-лидеров руководствуются не абстрактными представлениями о праве наций на суверенитет и сохранение идентичности, а стремлением, как минимум, приспособить, сделать удобными для себя внешнюю среду.

В этом смысле роль национальной элиты чрезвычайно высока: она обязана сохранить суверенитет государства, национальную самоидентификацию общества, систему традиционных ценностей. И первое, и второе, и третье возможно только в том случае, если элита обеспечивает нации соответствующие экономические, социальные и военные позиции в мире, которые гарантируют самим фактом существования такую возможность.

Понятия «креативный класс» и «элита», на мой взгляд, не идентичны. Особенно в современной России. Если «креативный класс» – объективная характеристика социальной группы, к которой относится творческая интеллигенция, способная к созидательной деятельности, то российская элита формировалась, как правило, совершенно по иным признакам, а именно:

- безынициативность;
- усредненность;
- конформизм;
- низкое качество образования;
- беспринципность;
- коррупционность.

Конечно и из российской элиты, сформировавшейся в советско-демократический период, есть исключения. Но их, к сожалению, по моим наблюдениям очень мало. Само качество креативности абсолютно несовместимо ни с кадровой политикой «эпохи застоя», ни периода

«демократии», который, на мой взгляд, явился **продолжением** политики части партийной бюрократии.

Элита, как высший управленческий слой страны, при В. Путине стала более патриотичной, но, скорее, это явилось проявлением присущей ей доминирующего качества – конформизма. Можно сегодня перечислить сотни нынешних «патриотов», девять десятых из которых в период «демократических реформ» придерживались откровенно неолиберальных, антигосударственных взглядов.

Элита, в отличие от креативного класса, взяла на себя право управлять (но, подчеркну, не ответственность). Поэтому и госуправление, захваченное элитой в России по общему признанию одно из самых не эффективных.

В условиях глобализации, между тем, и ускоряющегося развития России создать и поддерживать высокий интеллектуальный потенциал элита не может. Она способна только обеспечивать высокие качественные темпы экономического развития, а отнюдь не современные социальные стандарты. Применительно к XXI веку это, прежде всего быстрое развитие потенциала личности, т.е. знаний и креативности. Отсюда высокие требования к национальной элите, которым, повторю, она, конечно же, не соответствует.

В этом заключается огромная проблема современной России: как сделать элиту если не креативной, то хотя бы прекратить ее противодействие естественному процессу развития.

Но не только. Это же предполагает динамизм в ее развитии, «очищение» от прежних, конформистских слоев. Как отмечают российские исследователи, новая элита должна «отбивать все попытки реванша» старой элиты, добиваться «окончательного очищения»¹.

В России эти процессы пока еще не очень заметны: элита КПСС, замененная элитой Б. Ельцина, а затем – В. Путина, мало чем, по сути, отличается друг от друга. На высшем уровне происходящая ротация отражает скорее конъюнктурные моменты, связанные с борьбой и распределением влияния во власти. Как подметила О.Крыштановская², «Совет безопасности В.Путина 2002 г. гораздо больше похож на советское Политбюро ЦК КПСС и по численности, и по структуре, нежели Совбез РФ 1993 г. (см. таблицу).

¹ *В.И.Пантин, В.В.Лапкин.* Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития. М.: Феникс+, 2006 г., с. 392.

² *О.Крыштановская.* Анатомия российской элиты – М.: Захаров. 2005. с.259.

Структуры высшего руководства страны с 1981 по 2002 гг.
(в % к численности группы)

	Советское Политбюро		Ельцинский Совбез		Путинский Совбез 2002 г.
	1981 г.	1988 г.	1993 г.	1999г.	
Всего (чел.)	21	21	14	28	24
В т.ч.: Руководители аппарата, идеологи, секретари	23,8	42,9	7,1	3,6	4,2
Члены правительства (за исключением силовых министров)	19,0	28,6	50,0	39,3	3,3
Силовики и контролеры	14,3	9,5	42,9	46,4	45,8
Руководители парламента	4,8	4,8	–	7,1	8,3
Регионалы	38,1	14,3	–	–	29,1
Представители науки	–	–	–	3,6	4,2

Сходство высшей управленческой элиты (с поправкой на влияние силовиков) В. Путина и Л. Брежнева не означает, на наш взгляд, ухудшение качества самих руководителей, о котором часто говорят некоторые политологи. В России начала XXI в., как и в начале 1980-х гг., были востребованы, прежде всего, исполнители, чья добросовестность и лояльность лидеру не ставилась под вопрос. Крах советской системы эпохи Л. Брежнева и доставшийся в наследство В.Путину кризис неокapиталистической системы очень похожи с точки зрения неэффективности управления. А неэффективная система управления не требует созидателей, она требует, прежде всего, лояльных исполнителей. В этом смысле элита В.Путина была максимально добросовестна и исполнительна, но и консервативна, мало креативна, хотя в рамках существовавшего алгоритма власти и поставленных перед ней антикризисных задач, – достаточно эффективна. Проблема в том, что при переходе от стабилизации к развитию прежние качества элиты превращаются из положительных в отрицательные. На этапе развития требуется уже не столько личная лояльность и исполнительность, сколько профессионализм и креативность. А профессионалы, как правило, не привыкли к слепому послушанию. Они востребованы. Именно поэтому они проигрывают в конкуренции лояльным, но недалеким чиновникам. По этому поводу я как-то написал в «Независимой газете»: «На новом этапе перехода от стабилизации к ускоренному развитию, от технологического к культурно-духовному этапу развития человечества руководитель неизбежно будет вынужден отказываться от команды, где главным критерием была личная преданность, в пользу профессионализма. Это принципиально важно. Да, личная преданность, надежность нужна, но на новом этапе уже профессионализм играет более значимую роль. А профессионал, заметьте, не будет кланяться,

и падать в ноги. Если сейчас все это поднять, наступит новый этап в жизни страны»³.

Как видно из таблицы, соотношение чиновников и ученых абсолютно несопоставимо. Это, на мой взгляд, свидетельствует об общей тенденции, когда креативные группы занимают в управленческой элите не просто незначительное, но маргинальное место.

Приход к власти Д. Медведева – преподавателя права и управленца – в принципе должен совпасть с объективными процессами изменения в элите. Даже с учетом того, что прежние кадры будут всячески стремиться сохранить свои позиции. Профессионализм и креативность неизбежно будут вытеснять чиновничью-бюрократическую традицию, хотя процесс это и будет идти, к сожалению, медленно.

Приведенная структура – лишь одно из свидетельств консервативности высшего управленческого слоя. «Этажом ниже» – в правительстве, на уровне среднего министерского звена, доминируют две группы – старые аппаратчики, представители вечного бюрократического слоя, и новые – такие же представители, которые иногда рекрутируют «делегатов» от бизнеса. Надо сказать, что Д. Медведев хорошо понимает опасность этой ситуации. Не случайно в июле 2008 года он потребовал создания кадрового резерва и «увеличения скамейки запасных». Другое дело, что такие попытки безуспешно предпринимались и при В. Путине.

Еще сложнее – в регионах, – где элита была занята все 90-ые годы приватизацией собственности и власти. Как справедливо отмечает Д. Бадковский⁴, в 90-е гг. в условиях низкой эффективности и раздробленности федеральной управленческой элиты, увлеченной преимущественно программой приватизации и передела, собственно функции государственного управления в основном консолидировались, частично присваивались и преимущественно осуществлялись на региональном уровне, региональными элитными кланами.

При этом их достаточно высокая эффективность и функциональная готовность обеспечивать на своей территории относительную социально-экономическую и политическую стабильность стали для них основанием для торга с федеральной элитой. Чаще всего торг между региональными элитами и Центром по схеме «эффективность в обмен на политическую лояльность и экономические ресурсы» оказывается успешным, хотя в отдельных случаях и

³ А. Подберезкин. «Мы не работали под президента \\\ Независимая газета, 2008 г., 10 июля, с. 4.

⁴ Д. Бадковский. Вертикаль власти времен упадка стабильности \\\ Независимая газета. 23 марта 2007 г., с. 11.

преимущественно в отношении национальных республик оборачивается претензиями на суверенитет и сепаратизмом.

При этом такие качества как профессионализм и креативность на региональном уровне были еще менее востребованы, чем на федеральном. Принцип личной лояльности являлся главным при продвижении по служебной лестнице, приобретая иногда самые уродливые формы.

Еще хуже обстояли дела с образованием региональной и местной элиты. По некоторым оценкам, до 50% управленцев этого уровня не имели высшего образования, а остальная часть во многом обладала некачественными знаниями, которые со временем полностью устарели.

Таким образом, к началу XXI века в России сложилась ситуация, когда качество элиты и ее социальный состав практически не совпадал с социальными группами интеллигенции и креативного класса. Элита оказалась сама бюрократической кастовой группой высших служащих и собственников.

Ситуация в области высшего управленческого слоя стала медленно меняться в период второго президентского срока В. Путина. Тогда уже не требовались силовики, способные взять под контроль ситуацию в том или ином регионе. Завершение задач «стабилизационного периода» и выход на решение проблем развития выдвигают, однако, не просто новые требования к управленцам, а качественно новые. Прежде всего, к качествам менеджеров, специалистов, творцов-созидателей, способных генерировать идеи, а не только их выполнять. Вербовать новых управленцев из прежней элиты становится практически невозможным.

К сожалению, в это время начинается определенная переоценка руководителей, которым не хватает двух таких качеств, как профессионализм и нравственная ответственность. «Менеджермизм» в управлении пытаются противопоставить бюрократии. Но это мало сказывается на эффективности госуправления потому, что и первое, и второе функциональное назначение не могут компенсировать отсутствие главной установки управленца XXI века – креативности, образования, профессионализма.

Не трудно увидеть, что за весь период от Л. Брежнева до В. Путина сотрудники с такими качествами были практически не нужны системе государственного управления. Разработчики идей – как во времена Л. Брежнева – М. Горбачева, так и Б. Ельцина – В. Путина, - никогда не входили в высшую касту управленческой элиты, будь то Политбюро, Совбез или Правительство. Да и идеи-то не были востребованы. Эта особенность применительно к последнему времени (но она справедлива для всех последних тридцати лет), хорошо подмечена О.Крыштановской: «Ключевые чиновники при Путине были объединены в Совет Безопасности РФ –

коллективный орган, по численности и структуре весьма схожий с советским Политбюро, но не играющий роли верховной власти в стране. Вершина власти находилась у самого президента и групп стратегической элиты. Эти группы, допущенные к принятию ключевых решений, оставались не институционализированными, недоступными общественному контролю и не имели официального статуса. Они состояли из высших чиновников, которых Путин привел к власти и которым лично доверял. Это и были *главные поставщики новых идей*⁵, т.е. «поставщиками идей» чаще всего были управленцы, доминировавшие в элите: бюрократы, силовики, менеджеры.

Так было всегда, за исключением, пожалуй, сталинского периода, когда *каждый член Политбюро*, претендующий на политическую роль, должен был писать и выдвигать предложения (писали и предлагали часто), т.е. быть по определению идеологов, креативщиком. Другое дело, как этот креатив соотносился с партийной идеологией, преданностью вождю и т. д., но факт остается фактом: в недрах самого авторитарного режима больше всего было креативных людей и идей.

И не случайно, результатом такой работы в 1930-1950-е гг. стали фантастические советские достижения в области науки, искусства, культуры, инженерии. Их сопоставление с нынешними результатами, когда нет идеологических ограничений, невозможно именно из-за масштабов «взрыва креативности» советского периода с полным отсутствием и невостребованностью такового в период «развивающегося капитализма». Не случайно, и сегодня инновационная деятельность предприятий в России оценивается в доли одного процента, а науки – в единицах процентов. Это – результат невостребованности креативного потенциала сырьевой экономикой и госуправлением, отсутствия масштабных, стратегических задач.

Резкое усиление значения идей и идеологии в конце XX века, и особенно новых созидательных идей в мире, не нашло отклика ни у М. Горбачева, отказывавшегося от любых концептуальных дискуссий, ни у Б. Ельцина, который не придавал им вообще никакого значения. У В. Путина после его прихода к власти была ситуация политического и экономического цейтнота, когда концепции и идеи заменялись прагматическими технологиями, даже просто оперативными решениями, связанными, конечно, общей логикой и целью, но не концептуальными и креативными идеями. После завершения периода стабилизации ситуация изменилась, Как ответил В. Путин, «можно спокойно подумать», в т.ч. и о путях развития страны, более эффективных формах управления обществом и государством.

Это путинское «спокойно подумать» не случайно совпало с июльской (2008 г.) критикой Д. Медведевым кадровой политики. Не только

⁵ *О.Крыштановская. Анатомия российской элиты – М.: Захаров, 2005 г., с.261.*

объективная потребность в новой управленческой элите, но и вполне субъективные решения высшего руководства (например, реформа местного самоуправления) требуют в **массовом порядке** привлечения профессионалов-творцов, а не чиновников-исполнителей. Привлекать таких людей можно только из одного резерва – национально-ориентированной интеллигенции, точнее той ее части, которая будет готова к созидательной управленческой работе.

Другое дело, что практика последних десятилетий (документооборот, система взаимоотношений между начальником и подчиненными, сложная, дублирующая система управления, бюрократические процедуры и т.п.) привела к тому, что сложилась мощная система фильтров, преодолеть которую интеллигентам вряд ли удастся.

Алексей Подберезкин – академик РАН, доктор исторических наук, профессор.

19 августа 2008 года.

www.nasledie.ru